

А. Ю. Бородихин

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Новосибирск

АРХЕОГРАФИЯ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ...

В статье рассказывается об археографической практике студентов-первокурсников Новосибирского университета и последовавшей за ней археографической экспедиции в поселок Бурный.

Ключевые слова: археографическая практика, полевая археография, старообрядческие поселения, древнерусская рукописная традиция

Стать археографом не было моей мечтой с детства. Все, что угодно, только не эта научная специальность грезилась в сознании школьника общеобразовательной средней школы Новосибирска как применение в будущем того, чему научит вуз. Начать с самого термина, близкого слову архео-логия, знакомого по главам в учебниках, в книгах, рассказывающих о древнем мире, способах добывания сведений о канувших в Лету событиях, о трудностях, встающих на пути ученых-историков, избравших этот путь в науку о человечестве, и, конечно, сопровождавшими этот путь кропотливом физическом труде и выносливости. Не в пример этому архео-графия Атлантидой всплыла для меня только на первом курсе Новосибирского университета.

Ничего не подозревавшие первокурсники 791 группы отделения языкоznания и литературоведения гуманитарного факультета НГУ Т. Дементьева, Т. Илюшечкина, А. Бородихин, О. Мандриков, Я. Самохин и А. Филюшов охотно откликнулись на предложение Елены Ивановны Дергачевой-Скоп, лектора по древнерусской литературе, пройти специальную подготовку для участия в летней археографической экспедиции 1978 г. Не подозревавшие в том смысле, насколько тесно их дальнейшая жизнь на факультете и в учебном процессе окажется связанной с той ролью, какую играли в образовании гуманистов-филологов равно и языковедческие, и литературоведческие дисциплины, основанные на материалах древней письменности и литературы, включая славянскую палеографию.

«Курс молодого бойца», по замыслу Елены Ивановны, должен был включать знакомство с историей и районами археографических исследований в стране, их целями, задачами и результатами. Очень важным представлялось уделить особое внимание проживающим в Сибири носителям и хранителям древнерусской книжной культуры, охарактеризовать особенности их быта, тесно связанного прежде всего с церков-

ными правилами и установками. Забегая вперед, следует отметить, для воспитанной в атеистическом государстве молодежи 1970–1980-х гг. было не просто переключаться на противоположный принятому гражданскому светскому образу жизни уклад старообрядческих поселений. Совершенно отдельного разговора и практики требовало представление о русских книгах времен Ивана Грозного и церковного раскола. Что все эти неизвестные до поры экземпляры рукописей и старопечатных книг — не просто обитатели архивных и музейных хранилищ, а вполне себе хранимое и используемое по прямому назначению населением страны, нашими современниками, национальное достояние, — не укладывалось в голове, казалось фантастикой!

И вот параллельно занятиям по обычной университетской программе были организованы встречи с опытными специалистами, первооткрывателями «Сибири археографической»: Е. И. Дергачевой-Скоп (успехи поездок и экспедиций В. И. Малышева на Русский Север, формирование Древлехранилища Пушкинского Дома, результаты фольклорно-археографической практики студентов-филологов НГУ), Н. Н. Покровским, руководителем сектора археографии ИИФФ СО АН (старообрядчество Сибири: типология, характеристика согласий, отличительные черты; традиционные районы проживания), Б. А. Шиндиным, преподавателем кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (участие студентов консерватории в сибирских археографических экспедициях, записи крюкового пения, особенности оформления музыкальных рукописей) и В. Н. Алексеевым, заведующим Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН (уникальные находки древнерусской книжности в территориальных коллекциях академической библиотеки). Самое главное, чему мы научились, пройдя ускоренную и насыщенную трудно воспринимаемой для юных мозгов информацией подготовку в этом направлении, — это читать печатный текст и кое-как разбирать текст рукописный. Такое умение было необходимо, но не достаточно.

Критерием отбора в экспедиционные поездки, как выяснилось чуть позже, была успешная сдача экзамена по древнерусской литературе. Итак, экзаменационная летняя сессия позади, собрание и инструктаж первокурсников перед выездом на практику проведены, назначено время и место сбора на железнодорожном вокзале Новосибирск-Главный. И вот, мы едем в поезде большой командой во главе с Еленой Ивановной и вторым руководителем, преподавателем одной из школ Академгородка, Эсфирию Сергеевной Косицыной. Поезд идет на восток, и меня нисколько не интересовало, где будет высадка, какая остановка конечная. Какое-то забавное состояние молодости,

увлеченности сиюминутной обстановкой, настроением коллективного действия! Пожалуй, никто уже и не думал, что это продолжение учебного процесса, еще одно испытание, проверка на готовность что-то предъявить взрослому миру, частью которого мы уже стали...

Первый спланированной руководителями этап был успешно завершен: Новосибирск – Ачинск – Лесосибирск – Енисейск, последний отрезок предстояло преодолевать уже на автобусе по пыльной щебеночной дороге. «Тополиный пух, жара, июль...» В Лесосибирске нас уже встречали сотрудники экспедиции, в том числе студенты-старшекурсники, отправленные заранее для устройства базы в этом регионе. Именно это словечко сразу вошло в наш обиход, и где бы нам в дальнейшем не приходилось дневать-ночевать, всегда речь шла о Базе, «родном доме» на все время разных по длительности и географии поездок. Встречавшие нас в Лесосибирске маститые археографы (за плечами уже не менее двух лет экспедиционной работы!) крепко запомнились мне: всегда заряженный на шутку и юмор, неутомимый рассказчик смешных историй Миша Чирейкин, прямая противоположность ему молчаливый Слава Кощеев и коллега В. Н. Алексеева по библиотеке Леонид Александрович Ситников.

Дальнейшее продвижение всей группы к месту проведения фольклорной практики затормозилось по погодным условиям. В Енисейском районе пошли дожди, единственным транспортным средством, доставлявшим пассажиров в таежные поселки и деревушки, служил самолет-биплан Ан-2, жесточайшее испытание для людей со слабым здоровьем. Дни пребывания в Енисейске превратились в дни дежурства на местном аэровокзале в ожидании благополучных «окон», позволявших взлететь и через 30–40 минут приземлиться в точке назначения, старейшем селе Красноярского края, известном с первой четверти XVII в. Маковском остроге. Здесь и проходила первая часть комплексной фольклорно-археографической экспедиции Новосибирского университета 1978 года. Комплексности экспедиции добавляло участие в ее работе студентов консерватории – четырех человек, деливших с нами все необходимые заботы по устройству и поддержанию порядка в быту и проведению досуга.

Основное время двухнедельного пребывания практикантов было занято посещением старожилов села, фамилии которых нам были щедро предоставлены сельсоветом, с целью записать от них еще хранящиеся в памяти народной образцы устного словесного творчества – песни, частушки, сказки, обряды, пословицы-поговорки. В дальнейшем записи обрабатывались и приводились в форму, готовую к отчету по практике. Все это с успехом было проделано в срок и по возвращении в Новосибирск сдано на хранение в ГПНТБ СО АН.

Енисейск. 1977 г.

Правда, на долю мужской части студенческой группы пришлась в основном забота о содержании «котлопункта», словечко, обозначавшее избу, отведенную сельским начальством под временную столовую. Завтраки, обеды, ужины должны быть готовы в срок. В памяти уже стерлось, на дровах или на электричестве шла вся варочная, жарочная кухонная работа, но и без печки хватало дел. Походы в сельский магазин, к населению за свежей зеленью, картофелем, молоком по договоренности, и, главное, на кухне всегда должна быть в достаточном количестве вода. А при отсутствии водопровода ее приходилось таскать с реки Кеть, что протекала под горой в каком-нибудь полукилометре от «котлопункта». На группу в тридцать человек двумя-тремя ведрами в течение дня не откладаешься. Поэтому в конце этой части практики сложилось стойкое впечатление, что наша четверка (Бородихин, Мандриков, Самохин, Филюшов) только и занималась решением этой проблемы... Справедливости ради стоит сказать и о нашем, мужском вкладе в письменную фиксацию устного народного творчества.

Среди всех информантов Маковского местные жители как-то по-особому рекомендовали нам побывать у деда Зиманенко, отмечая его богатую память на все виды фольклора, песенные, сказовые. Несколько летних вечеров и были заняты походами к нему. Старик оказался необыкновенно отзывчивым на просьбы исполнить что-нибудь не только из обычного песенного репертуара села, но и редкости, не часто исполняемые, но сохранившиеся в его семейном кругу. Не меньше десятка самых разных произведений было нами записано у него. Расплывчатые в жанровом отношении русские народные песни с шутливым содержанием («Пошли девки на работу»), переделки произведений известных в прошлом поэтов («Ванька-ключник злой разлучник»), городские романсы («Гуляй, гуляй, моя милая, и не влюбляйся ни в кого...»), женские страдательные («Мой муж постыл, кровать мостили...»), старинные казачьи песни: рекрутские, исторические («Солнце за лесом восияло...», «Эх, в Таганроге салучилася беда!»). Одна была с особенно пронзительным трагическим содержанием («Один сад зеленый, другой сад цветет... А у нашего царя никакой правды нет — отбил ручку-ножку, а награды нет»; «времен турецкой войны» — так прокомментировал ее историю исполнитель). Были у него «для веселия» в запасе частушки и даже сказочка «О задумавшем жениться богатом деревенском парне» с использованием ненормативной лексики, все это, как сказано, записано и отдано на хранение в Отдел редких книг и рукописей академической библиотеки в Новосибирске.

Какую-то память о пребывании многочисленного студенческого отряда в тот год мы, несомненно, оставили. Шутка сказать, больше двух десятков городских девиц, буквально свалившихся с неба на ста-ринное село и его обитателей, не могли не вызвать дрожь в сердцах местной молодежи, и попыток познакомиться, особенно в вечернее время суток, было не счесть. Но строгая установка при инструктаже на следование режиму возымела свое действие. Единственное, чем пришлось удовлетвориться самой активной части села, — это привлечением самых артистичных девушек из числа студенток к объявленному местным клубом празднованию Дня Нептуна (!) на реке Кеть, на берегу которой и раскинулось Маковское. Все прошло великолепно, шумно, празднично, организаторы, участники и зрители остались довольны произведенным эффектом. Чего, правда, не скажешь еще об одном, по замыслу прощальном, вечере с участием всех уже подружившихся к этому времени гостей из Новосибирска и односельчан.

Вечером накануне дня отъезда в сельском клубе студентами консерватории был дан концерт с использованием единственного музыкального инструмента — пианино. Первокурсники гумфака НГУ поделились своими впечатлениями о времени, проведенном в Маковском, о жителях и материалах, здесь записанных. Кроме того, читались стихи, исполнялись романсы, и даже чуть-чуть потанцевали под попурри, исполненным звездой консерватории Андреем Флахом. Все было бы достойно-благородно, если бы по окончании вечера одной из наших студенток не пришло в голову слегка привести свою внешность в порядок посреди улицы у одного из колодцев, где жители брали воду. Результат был неожиданный, сразу расколовший только-только обозначившееся единство миров. Наутро по селу поползли слухи: студенты отравили воду. Нашлись очевидцы, разглядевшие в ведрах с набранной утром водой «ма-а-хоньких» беленьких червячков с красной полоской по бокам и выпуклыми глазками. Дело приняло нешуточный оборот: студентов не выпускать, воду из колодцев направить в Енисейск в санэпидемстанцию на анализ, ждать результатов! Трудно сказать, чем бы это все закончилось, по крайней мере, обвинители были настроены чрезвычайно серьезно и решительно. И только прилет утренним рейсом Елены Ивановны, отлучавшейся в Енисейск по делам экспедиции, ее встреча с сельской администрацией все решила. Воду, для успокоения непримиримых граждан, отправили в Енисейск до выяснения (угроза для здоровья пользователей не подтвердилась, что было ясно с самого начала!), основная группа студентов несколькими рейсами вылетела в Енисейск и далее в Новосибирск. В Маковском остались только те, кто примет участие в археографической экспедиции.

Как выяснилось, серьезная подготовка только-только начинается! В этом году археографическим студенческим группам под руководством Е. И. Дергачевой-Скоп и заведующего Сектором редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН В. Н. Алексеева предстояла работа в таежных поселках Енисейского и Туруханского районов Красноярского края и Эвенкийского автономного округа. Глухие, малопроходимые места, в летнее время расстояния между поселками преодолевались либо воздушным транспортом, если в расписание рейсов по районам включались нужные направления, либо водным путем на подвернувшейся кстати лодке, а то и нанятой по договоренности с кем-нибудь из местных жителей, знатоков опасных участков многочисленных лесных рек и их притоков. И тот и другой способ передвижения сулили массу впечатлений в пути.

Отправной точкой всех маршрутов среднего течения Енисея, самой крупной водной артерии Красноярского края, служил основанный в 1619 г. город Енисейск. Тогда до перевернувшей страну церковной реформы патриарха Никона, собственно и создавшей впоследствии условия для поисковой археографической деятельности во многих уголках России, оставалось чуть меньше четверти века. Малообжитые таежные места Сибири, природа, богатая дичью, орехами, ягодами, грибами, рыбой рек и речушек с давних пор служили местом притяжения скрывающихся от светских и церковных властей староверов, на протяжении десятков и сотен лет семьями и поодиночке переселявшимися в эти края. Встреча с этим миром была, как никогда близка. Словно *terra incognita* она тянула к себе неизвестностью и загадочностью, тянула и страшила одновременно. Было ясно, именно сейчас и должно пройти проверку все усвоенное тобой за предыдущие месяцы, и от этого зависит как минимум результат и успех экспедиционного сезона.

Так, или почти так думалось мне накануне отправления нашей группы на маршрут Енисейск – Бор (Подкаменная Тунгуска) – Эвенкия – Дубчес/Сандакчес. Незадолго до отправления группы из Енисейска к нам примкнула студентка филологического факультета Ленинградского университета, ученица Натальи Сергеевны Демковой Ира Евсеева (Ирина Анатольевна Лобакова). Как это тогда называлось, для обмена опытом, ознакомления с традициями ведения археографического поиска разных школ (Русский Север и Сибирь) и для укрепления состава археографических групп на маршруте.¹

¹ «Характерным для 1978 г. является кооперация различных учреждений в рамках одной экспедиции... В экспедициях, проводимых Сибирским отделением, в тесном контакте работали ИИФФ СО АН, НГУ, ГПНТБ СО АН с привлечением ЛГУ и Новосибирской консерватории» (Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 356).

А. Ю. Бородихин и И. А. Евсеева. Подкаменная Тунгуска. 1977 г.

Забегая вперед, должен сказать, все происходившее в эти летние месяцы 1978 г. было пережито мной впервые. Первая поездка вниз по Енисею на совершенно замечательном комфортабельном теплоходе, прибытие и остановка после полуторасуточного плавания, бросание якоря напротив рабочего поселка Бор, ночная высадка на берег (дебаркадера или пристани тогда еще не было!), размещение в местной школе, знакомство с администрацией и поиски возможностей идти-плыть-лететь дальше.

Было решено: наш отряд разбивается на две группы. Группа в составе В. Н. Алексеева, Ирины Евсеевой и меня обследует старообрядческие поселки Эвенкии по течению Подкаменной Тунгуски и ее притока Вельмо, а группа Е. И. Дергачевой-Скоп и Олега Мандрикова отправляются в поселок Дубчес. А дальше все пошло как в только что освоенном нами «маковском» фольклоре: «Скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается». Начались долгие часы и дни ожидания, походы руководителей к начальникам экспедиционных партий геолого- и нефтеразведки из Новосибирска, Ленинграда, Северо-Енисейска, базировавшихся в то время в Бору. Цель таких походов была одна — договориться о возможности воспользоваться каким-нибудь из принадлежащих геологам транспортных средств, чтобы добраться до нужных нам мест. Точно могу сказать, хоть и не принимал участие в таких походах, что с вопросами доставки рекомендовалось обращаться к так называемому «маршалу авиации», от которого могла зависеть даже погода, не особенно в тот период баловавшая солнечными днями летные составы экспедиций.

Погода на севере вещь капризная, зарядили дожди — запасайся терпением на дни, а то и на недели. В лучшем случае может образоваться «окно», дающее возможность совершить рейс на небольшое расстояние, чтобы машина успела вернуться назад до следующего изменения погоды, несущего ветры и те же дожди. В нашем случае так и получилось! Вечером накануне Дня в буквальном смысле везения к нам в школу пожаловал сам «маршал» и объявил готовность вылетать в направлении поселка Бурный, по названию реки, впадающей в Вельмо. Итак, завтра на рассвете быть готовыми: три человека, минимум вещей, все остальное в головах.

По-моему, была еще ночь, когда все подскочили от страшного стука в окно, за нами! Времени на завтрак нет, рюкзаки уложены с вечера. Пять минут на приведение себя в порядок, и вот мы уже вприпрыжку трусцой движемся в аэропорт (благо он в полукилометре от места нашего базирования), где уже разогревает двигатель вертолет, готовый нести нас навстречу... Чему? Не вполне ясно. Но уж скорому будущему точно! Небольшое замешательство перед посадкой: вертолет «Ми-1» кроме самого пилота берет на борт еще двух пассажиров, а нас трое. Четкое осознание «третий лишний — это я» заставляет меня опустить на землю рюкзак и почти смириться с этим несправедливым выбором судьбы. Но то ли благоприятный погодный прогноз, о чем мы не имели ни малейшего представления, то ли сочувствие пилота к прискорбному виду, явленному моей сразу уменьшившейся (весьма кстати!) фигуре, то ли все вместе толкнули его на решительное изменение ситуации: «Что стоишь? Запрыгивай, взлетаем!» И мы полетели... Через Енисей, навстречу сразу засиявшему от восходящего солнца дню, навстречу безграничному «морю тайги», где непонятно как, каким образом нашли себе пристанище потомки первопоселенцев этих мест из числа русских староверов.

Полет длился недолго: это по рекам Енисей — Подкаменная Тунгуска — Вельмо путь занял бы 280 км с двумя порогами, на что ушел бы целый день, а в непогоду добавилась бы еще и ночь. А по прямой чуть больше часа. Высота была небольшая, над сопками, казалось, вот-вот зацепим вершины хвойных деревьев, быстро проносившихся под нами. Вскоре определился ориентир, и мы летели уже по Бурному, притоку Вельмо, в устье которого, по замечанию пилота, и расположился поселок. Я не успел разобраться еще в резко изменившемся ландшафте местности, как увидел несущуюся прямо на нас высоченную скалу, заметил изменившийся цвет реки внизу (Вельмо!), резкий крен и поворот в сторону от приблизившейся навстречу сопки, полукруг в воздухе, и вот мы идем на снижение, целясь приземлиться внутри квадрата, обозначенного бочками из-под бензина прямо на каме-

нистом берегу. Посадка, мы быстро выбираемся наружу, даже минуты не постояв, вертолет взмывает вверх и через мгновение скрывается за сопкой. Тишина обрушивается на нас, и какое-то время мы не знаем, что делать дальше. Берег абсолютно пустой, как я сейчас понимаю, никто не был предупрежден о нашем прибытии даже в какой-нибудь перспективе. Поднимаемся наверх к еле-еле заметной с низкого берега приземистой избушке. Уже наверху замечаем еще несколько таких же невысоких домиков, хозяйственных построек, расположенных на приличном расстоянии друг от друга, и не прекращающей гнет тишины. Разгадка пустынного, безлюдного состояния поселка прояснилась встретившим нас около своего домика хозяином Дмитрием Павловичем Захарковым. «Все на покосе, погода уже который день стоит солнечная. Надо успевать, а то потом намаешься — суши-не-пересуши!» — в такой шутливой манере объяснил он ситуацию.

Д. М. Захарков происходит из династии основателей поселка, какое-то время здесь жил и его брат, решивший перебраться в Ванавару со своим семейством. Захарковы — специалисты по установке навигационного оборудования на отведенных им участках рек, бакенщики, одним словом. Реки их акватории: Бурный, Вельмо, Подкаменная Тунгуска, их притоки. Дмитрий Павлович негласно выполняет еще и роль человека, ведающего вопросами встречи, размещения и других потребностей людей, случайно или целенаправленно оказавшихся в Бурном. В свое время он принимал у себя дома археографов Института истории из Новосибирска Н. В. Понырко и Е. Журавлеву. Теперь мы попали в его распоряжение. Во время нашего пребывания в Бурном я невольно оказался в буквальном смысле членом их семьи. Не дав мне толком освоиться, во второй половине дня это небольшое по меркам старообрядцев семейство забрало меня на покос до самого вечера. Мы вернулись уже в сумерках, но за это время я успел познакомиться со всеми его членами: супругой Дмитрия Павловича, Домной Прохоровной, сыновьями Георгием, Михаилом и Тимофеем. Только малолетняя сестра их Елена была оставлена дома с наказом позаботиться об ужине.

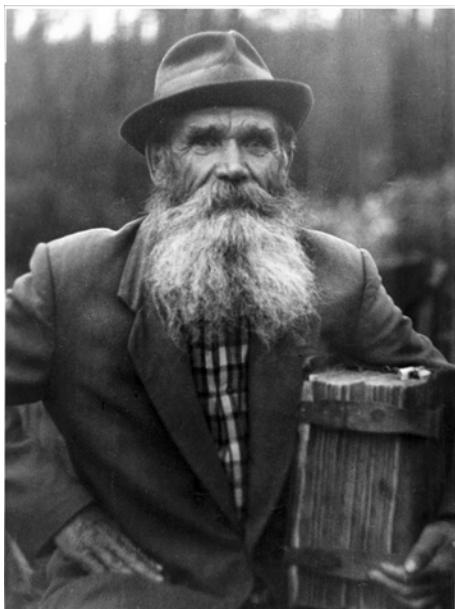
По дороге на покос, а все передвижения таежников летом совершаются исключительно на лодках, мы встретили еще несколько семейств Бурного: кто косил, кто ворошил, кто сгребал уже подсохшее сено в копны. Работа буквально кипела по обоим берегам Вельмо. Особенно мне запомнился мчавшийся нам навстречу десант из пяти девиц, расположившийся под присмотром их матери в лодке «Казанке», которым управлял круглоголовый, с румянцем во всю щеку крупного телосложения отец семейства, Артемон Иванович Гуляев. Позже мы познакомились и с его старшим братом, Максимом Ивановичем.

А сейчас в момент встречи на реке это было впечатляющее зрелище: с большой скоростью приближающаяся к нам лодка, на корме какой-то былинный богатырь с развеивающейся по обе стороны лица рыжей бородой! Вся картина просто залила находящимся в зените солнцем. Прочно сидящая на голове богатыря шляпа довершала обычный облик жителя этих мест. Вот они — староверы!

Так сложилось, что Захарковы стали моими проводниками в жизнь Бурного. Дмитрий Павлович буквально взял в свои руки обучение меня косьбе литовкой, чем я в жизни своей не занимался. Как держать ее в руках, следить, чтобы она всегда была острой, иначе траву будешь пригибать к земле и ничего не получишь. Далее рыбалка: неводить, ловить хариусов на перекате, готовить на углях выпотрошенную крупную рыбу, используя аграрный инструмент — вилы. Снова Дмитрий Павлович и Георгий. Завести лодочный мотор в те времена было делом непростым, а поменять срезанную на мелководье шпонку у винта — вообще из области фантастики для городского жителя! И тут новые учителя, сыновья Дмитрия Павловича Михаил и Тимофей. Уж не знаю на какую оценку я мог претендовать в их «школе», но в дальнейшем все это мне — ой, как пригодилось!

После всего сказанного может показаться, что все время нахождения в Бурном ограничивалось сплошь хозяйственными заботами: покосы, рыбная ловля, сбор ягод и грибов, обработка картофельных участков и т. п. Умеют бурнинцы работать, но знают и время, когда нужно отдать должное духовному. Службы и чтения книг по вечерам, воскресным дням и праздникам. Трудно было в это поверить, но, когда из укромных мест доставались нужные для продолжения начатого разговора книги, напечатанные при Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче, все становилось на свои места: и оправданность держать при себе книги, отвергнутые церковью в результате реформ, и необходимость содержать их в надлежащем состоянии, умение ремонтировать и переплетать их, чтобы сохранить для будущих поколений. Сюда же относится и желание поделиться чем-нибудь из духовных ценностей, когда уверенность, что книга не пропадет, а будет дальше использоваться по прямому назначению и станет достоянием большого числа людей, дает право распорядиться этим наследием.

Как стало известно мне в этот приезд, ранее исследователями древней книжности из Новосибирска были получены Пролог «древлеписьменный», Русский хронограф поздней редакции, дораскольные печатные Псалтырь с восследованием, Октоих, Общая миная, а также несколько первых изданий старообрядческих типографий конца XVIII в. В этом году знакомство с личными библиотеками Мамонтовых, Горбуновых, Гуляевых, Вершининых, Котовых, Сидорки-

Р. М. Горбунов

Жители поселка Бурный

ных и других позволило составить более детальное представление о репертуаре и количестве книг, находящихся в обиходе у старообрядцев титовского согласия (подавляющее большинство жителей Бурного представляют здесь именно эту группу староверов-беспоповцев). Сюда относятся рукописные сборники слов и поучений Иоанна Златоуста, Ефрема Сир이나, в том числе переписанные основателем согласия Титом Тарасовичем, Цветники, полемические сборники, житийная литература. Из печатных раритетов — шедевр отечественного книгопечатания Острожская Библия Ивана Федорова, издания первой половины XVII в.: Евангелие-тетр крупной печати, иноческий Требник, Апостол, Триоди постная и цветная, Устав «Око церковное» и др.

Когда настало время отправляться в обратный путь, среди наших приобретений уже значились скорописный Апокалипсис XVII в., сборник слов и поучений Исаака Сир이나, печатные Триодь цветная 1630 г. и Псалтырь с восследованием 1651 г. Дорога в Бор заняла гораздо больше времени. Из Бурного на лодке нам надлежало добраться до села Кузьмовка на Подкаменной Тунгуске, населенной преимущественно старообрядцами-часовенными. Давнее знакомство Захарковых с проживающими здесь семьями Москвичевых помогло нам найти пристанище здесь до подвернувшейся оказии в виде букисируемой самоходкой баржи с путешествующими по Подкаменной туристами. Пока баржа не появилась в поле нашего зрения, мы прошли в Кузьмовке около трех дней. Это время было посвящено практике чтения канцелярской скорописи по Апокалипсису из Бурного, а также разговорам о полемике старообрядцев с «государственной церковью» с приютившими нас матерью и дочерью Москвичевыми. Из Кузьмовки мы тоже упльвали не с пустыми рюкзаками: две замечательные рукописи XVIII в.: Сборник слов и житий, в том числе русских, и «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского (!) дополнили вполне представительную коллекцию находок в старообрядческой Эвенкии.

Через несколько дней, уже находясь на базе в Енисейске (спортзал спортивной школы), поддавшись воспоминаниям о времени, проведенном в Бурном, я записал в своем дневнике:

Бурный у меня останется на всю жизнь. Я его полюбил, полюбил его кержаков, верующих в одну лишь веру христианскую да поллитровку в тайге зимой. Это люди, каких уже не часто встретишь: в любой дом заходи, тебя примут, накормят, если банный день, да и не банный, в бане напарят... Чисто русское гостеприимство! Бурный весь как одна семья. Все 24 (примерно) семьи находятся между собой в родственных [кровных и духовных] связях, кроме разве что Мерзляковых, которые из «обительских». Всё-таки разногласия в вере очень сильно сказыва-

ются на отношениях между людьми. А так, все друг другу помогают и в сенокос, и по рыбной ловле, стараются поддержать один другого, кто чем может.

Смотришь на мужичков Бурного со стороны, и радостно становится, как будто вернулся назад лет на 50, если не считать радио, кино, моторных лодок, которые [таежниками] не завиняются... И так хочется остаться здесь, пожить их спокойной, размеренной жизнью без суеты, без нервотрепки города, где с утра и до вечера мечешься и не замечаешь, как уходит день, за ним другой и годы... А в Бурном... Нет. Там просто надо пожить...

Поселок Бурный. 1978 г.

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, под завязку наполненных археографией, эти слова 18-летнего юноши, вызывают улыбку, и в то же время дают понять причины притягательности, внутреннего воздействия археографической работы на выбор жизненного пути.

Завершая эти воспоминания о моей первой экспедиционной поездке с археографическими целями, считаю необходимым кратко представить общие результаты работы 1978 года, организованной НГУ и ГПНТБ СО АН СССР.

Участники комплексной археографической экспедиции: Е. И. Дергачева-Скоп (руководитель), В. Н. Алексеев, Л. А. Ситников, Г. А. Лончакова, А. Ю. Языкова, Т. Ю. Щербакова, А. И. Мальцев, Т. А. Дементьева, А. Ю. Бородихин, И. А. Евсеева, Т. Н. Илюшечкина, В. Быкова, Я. Н. Самохин, А. А. Филюшов, Н. Ф. Подопригора, М. К. Чирейкин, Л. Ф. Солощенко.

Находки и приобретения экспедиции: 27 рукописных и старопечатных книг XVII–XIX вв.

Список литературы

Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 353–356.